

Глава 1

Софи сидела на заднем дворе дома-пансиона своего дяди и вышивала крестиком. Она изредка поднимала взгляд, отрываясь от своего занятия, и смотрела в небо, но там, наверху, ничего не менялось. Солнце все еще было спрятано за облаками, и даже легкий ветерок не мог разогнать их. Девушка вздохнула, посмотрев на схему, и продолжила вышивать, аккуратно затягивая стежки, чтобы нитки не запутались.

Дядя сказал, что весна у них здесь официально вступает в свои права, когда первая песня жаворонка зазвучит звонкой трелью по округе, но Софи еще ни разу не слышала ничего похожего, да и ей казалось, что она, весна-то, уже хозяйничает всюду, позеленив деревья, вспушив траву и рассыпав мелкие цветы по полянам. Где-то за небольшим перелеском, до которого доходил задний двор пансиона и который являлся негласной границей его, журчала мелкая речушка, но девушка туда пока не рисковала ходить, потому что совершенно не знала местности и не ориентировалась вокруг. Хотя любопытство щекотало ступни и подталкивало встать на еле заметную тропинку, чтобы изучить неизвестность за деревьями. Но пока Софи спокойно сидела на деревянных ступенях и занималась рукоделием.

— Софи, — девушка оглянулась на голос тети, — обед готов, пошли кушать.

— Иду!

Размеренная жизнь в отдаленном районе города Кури успокаивала и дарила умиротворение, которое было очень необходимо сейчас Софи. Бурная столица со своим бешеным ритмом, где она училась и жила с родителями, сильно давила и никак не способствовала ее выздоровлению, хотя до полного восстановления, как говорили врачи, уже осталось немного. Физически девушка была уже здорова, но на подсознательном уровне творилось что-то странное...

— Держи, — тетя Джимин поставила баночку с лекарствами на стол и подала ей кружку с водой, — выпей перед едой.

— Спасибо.

— Как ты себя чувствуешь? Ничего не беспокоит?

— Все хорошо, тетя. — Софи улыбнулась, запила таблетки и покосилась в окно: лес так и манил. — Можно я после обеда прогуляюсь?

— А ты не заблудишься? — Женщина тоже посмотрела в окно. — Хотя там протоптаны тропинки, главное не сходить с них.

— Возьму телефон с собой и позвоню, если что. Я не пойду далеко.

Софи шагала по тропинке, медленно и аккуратно ступая, осматриваясь по сторонам, и изредка склонялась, чтобы сорвать очередной цветок и заплести его в свои распущенные

волосы. Солнечный свет проникал сквозь кроны деревьев и яркими пятнами ложился ей под ноги, играл бликами на еще не испарившейся росе, запутавшейся в тонкой паутинке, и слепил, стоило поднять голову вверх и прислушаться к неспешной жизни леса. Софи остановилась, сняв босоножки и зажмурившись от удовольствия, когда босыми пальцами ног зарылась в прохладную траву. Легкий ветерок путал растрепанные локоны, и девушке сейчас захотелось, чтобы время остановилось... Всплеск впереди заставил ее открыть глаза и посмотреть в ту сторону, откуда послышался звук, а когда он повторился, Софи быстро обулась и поспешила дальше по тропинке, стгорая от любопытства.

Она спряталась за толстым стволом дерева, воровато выглядывая из-за него, когда дошла до речки, о которой слышала от тети, и старалась не дышать, чтобы не выдать своего присутствия, потому что впереди, пусть и на еще приличном расстоянии, сидел молодой человек, по-хозяйски облюбовавший крышу старенького, потрепанного и ржавого автомобильчика желтого цвета.

— Долго будешь стоять там? — Парень не отвлекался и продолжал заниматься своими делами, удивив Софи: как он мог заметить ее? — Ну же, выходи, — он склонил голову влево и слегка повернул лицо в ее сторону, глянув исподлобья.

Подглядывать было некрасиво, и Софи не собиралась делать ничего такого, но почему-то стало совестно: она просто гуляла и, чтобы не тревожить незнакомца, стояла в стороне. Спрятавшись полностью за дерево, девушка выдохнула и, стыдливо опустив глаза, вышла из своего укрытия, заправив непослушные волосы за уши и сцепив потом руки в замок.

— Я не хотела, не подумай ничего такого, — она быстро посмотрела на лучезарно улыбающегося парня и вновь потупила взор, схватившись от волнения за ремешок своей небольшой сумочки, перекинутой через плечо. — Услышала плеск и решила посмотреть. Я же не думала, что тут кто-то будет... Простите.

— Впервые здесь? — Софи удивленно подняла голову, наблюдая, как парень расслабленно откинулся назад, выставив руки за спиной. Она кивнула, а незнакомец, следивший за ней до этого прищуренным глазом, зажмурился, подставляя лицо весеннему солнцу. — Я не видел тебя до этого, хотя каждый год приезжаю сюда. Меня Чонин зовут, приятно познакомиться, Софи.

— Но как вы узнали?..

— Ш-ш-ш, — Чонин приложил палец к своим губам и указал куда-то вверх, заставив девушку посмотреть в небо. — Первая песня жаворонка. Весна пришла...

Тучи, застилавшие все утро небосвод, куда-то делись, оставив после себя только легкие белесые разводы на светло-голубой глади. Ветерок продолжал гулять по округе, путая волосы Софи, и она, убрав мешающие прядки, внимательнее присмотрелась к небольшой двигающейся точке, которая то приближалась к земле, то вновь взмывала ввысь. Снизившись еще сильнее, точка стала похожа на птичку, и девушка услышала то, о чем говорил Чонин. Звонкая трель путалась в ветках деревьев, плыла по течению этой небольшой речушки, уносимая потоком все дальше и дальше, а глухое эхо в глубине леса доносило стрекот цикад и щебет других птах. Лес

ожил. Показалось, что и солнце стало светить ярче, и трава с цветами в один миг приподнялись еще больше, и дышать стало свободнее, но последнее впечатление разлетелось новым всплеском воды, когда Софи перевела взгляд на парня. Послеполуденные лучи светила будто тянулись тонкими нитями к лицу Чонина, обнимая его, путались в его волосах цвета молочного шоколада, подсвечивая каждый волосок по отдельности, и, аккуратно плавясь, тонули в карих глазах. Он смотрел на Софи с какой-то теплотой и заботой, продолжая сидеть на крыше автомобильчика и думая о чем-то своем, пока жаворонок все пел свою оду солнцу.

— А ты стала еще красивее. — Чонин заговорил неожиданно, заставив девушку опомниться: она просто стояла и пялилась на него, не произнося ни слова и ни о чем не думая. — Волосы отрасли... Ты похудела.

— Мы встречались уже? — осторожно спросила Софи.

— Возможно, — парень грустно улыбнулся и протянул ей руку ладонью вверх. — Присоединишься?

Он не вызывал чувство страха, даже наоборот, располагал к себе. Софи почему-то показалось, что человек с такой улыбкой, которого любит солнце, не может быть плохим и не обидит ее, поэтому, немного посомневавшись, она все же зацепилась пальчиками за ладонь Чонина и была сразу же усажена рядом с ним на крыше.

— Откуда здесь машина? — Девушка осмотрелась, стараясь не обращать внимания на то, что Чонин слишком медленно отпустил ее руку.

— Не знаю, — честно ответил он. — Спроси у тети. Я никогда не интересовался, но мне нравится, что она стоит возле речки, а еще этот клен.

Софи перевела взгляд на дерево, раскинувшее свои ветви на несколько метров вокруг себя. Оно было высоким, с массивным стволом, а значит, старым, но его листва практически не дарила тень в том месте, где они сидели. Резные листья шелестели на ветру в унисон журчанию реки, и на сердце было так спокойно-спокойно, словно ничего и никогда не беспокоило Софи.

— Шрамы почти не видны. Это хорошо.

Девушка посмотрела на свои руки, сжав и разжав пальцы. Кое-где еще виднелись красноватые полосы, но большая их часть уже побледнела и растянулась, практически не выделяясь на фоне кожи. И если Чонин знал об этом, то они встречались в больнице, просто она не помнит его.

— Да, времени много прошло, вот и не видно. А ты каждую весну сюда приезжаешь? Живешь в пансионе?

— Я живу здесь до осени, а потом снова уезжаю.

— Сам или с родителями?

— Не сам, — парень замолчал, уставившись в одну точку, и Софи позволила векам опуститься, наслаждаясь ароматом, принесенным ветром. Значит, с родителями или кем-то из родственников.

Она не знала, сколько прошло времени с того момента, как тишина поглотила разум и звуки природы наполнили ее слух, но, открыв глаза, увидела все так же сидящего Чонина рядом. Встрепенувшись, девушка поняла, что уснула, свернувшись калачиком на маленькой крыше машины, нагретой солнцем, и потеряла лицо ладонями, убирая еще сильнее запутавшиеся волосы назад.

— Почему не разбудил меня?

— Мы разговаривали, ты не спала. — Пожал плечами парень, крутя в руках старенький кассетный плеер. — Пошли, я провожу тебя. Уже поздно.

Спустившись на землю и запутавшись ногами в высоком сухостое, обрамлявшем машину, Софи поправила задравшийся сарафан и попыталась заплести в косу волосы, но ее руки были остановлены Чонином, стоило только прикоснуться к чему-то колючему в прядях.

— Что?

— Тебе идет с распущенными. — Он наклонился и сорвал странный цветок. — Это бессмертник, его еще золотом солнечным называют.

— Он засох? — Девушка прикоснулась к цветку, когда Чонин аккуратно заправил его ей за ухо.

— Нет, он всегда такой. Не завянет и не потеряет цвет.

Солнце клонилось к горизонту, и его практически уже не было видно из-за деревьев. Удивительно. День прошел незаметно, и Софи с Чонином шли по той самой тропинке, по которой девушка пришла днем, в тишине, нарушаемой лишь стрекотом цикад. Парень ступал еле слышно, насвистывая тихо какую-то мелодию, изредка оборачивался, проверяя, идет ли Софи за ним, но, стоило их взглядам встретиться, он снова отворачивался, задирая голову и глубоко вздыхал. Они уже почти вышли из редящего в своем конце леса, когда парень остановился, из-за чего Софи чуть не врезалась в него, и в ответ на ее вопросительный взгляд кивнул вверх.

— Вау. — Девушка шагнула назад, повернулась, не опуская головы, и встала на месте, рассматривая сумеречное небо, окаймленное макушками деревьев, как рамкой. Несколько перистых лент облаков полупрозрачным шелком стелились по небосводу, в который будто кто-то уронил яркие акварельные краски и смешал их.

— Весенние закаты, как и рассветы, самые яркие и чарующие. Хочешь, завтра посмотрим на восходящее солнце?

— Я плохо сплю и могу не встать вовремя. — Софи нахмурилась, продолжая идти вслед за парнем.

— Кошмары снятся?

— Угу.

— Я буду ждать тебя возле крыльца. Здесь. — Чонин остановился.

— Пойдем? Мы опоздаем на ужин. — Девушка встала рядом, вопросительно посмотрев на него.

— Иди, я скоро.

Софи хотела спросить, почему не сейчас, но, проследив за направлением взгляда парня, осеклась, прикусив язык. На первой ступеньке, кутаясь в тонкий вязаный кардиган, стояла девушка и с укором смотрела на Чонина. Ее светлые локоны ниспадали по плечам, а стройная фигура, подсвеченная сзади светом из окон, казалась полупрозрачной. Только строгий взгляд никак не вязался с общим впечатлением легкости и доброты. Софи кивнула и быстро пробежала мимо незнакомки, которую, очевидно, знал Чонин и которая, очевидно, ждала его.

— Что же ты делаешь?

Это была единственная и последняя фраза, которую услышала девушка, прежде чем закрыла за собой входную дверь, не решаясь оглянуться и посмотреть назад. Ей не понравилась грусть, смешанная с разочарованием, которую она услышала в этих нескольких словах.

— О, Софи, вы вернулись? — Тетя Джимин накрывала на стол в их маленькой столовой.

— А? Да. — Девушка отложила сумочку. — На кухне надо помогать?

— Нет, — женщина усмехнулась, — сегодня девочки справились своими силами, благо людей пока немного.

— А почему у нас так много приборов? — Софи покосилась на стол. Обычно они кушали только втроем или вдвоем, если дядя Хан уезжал в центр по делам и не успевал к обеду или ужину, а сейчас тетя накрывала на пять персон...

— Наши постоянные гости приехали. Ты же с Чонином пришла?

— Да, откуда...

— Ну вот, — женщина осмотрелась, — они живут у нас с марта по сентябрь, правда в этом году припозднились немного. Так что они уже как часть семьи. Дальние родственники, так сказать. Подай соль, пожалуйста.

Софи почти не слушала, что еще рассказывала тетя, выполняя ее просьбы и смотря

в окошко, за которым на лужайке около дома стояли двое и о чем-то разговаривали. Она все думала о том, кто такая эта девушка, откуда все-таки Чонин знает о ее шрамах и почему его голос кажется знакомым.

— Софи, ты слышала сегодня, как жаворонки поют? — Грубый мужской голос вырвал из задумчивости, и девушка оторвалась от своего занятия, отвернувшись от окна.

— Слышала, красиво.

— Вот, теперь и отдыхающие поедут, и работы будет больше, будешь помогать нам. — Дядя Хан достал из подвала пыльную бутылку вина и теперь сидел за столом, разглядывая ее и вытирая. — А где наши гости дорогие? Жена, позови детей, нечего на улице околачиваться, еще не май месяц.

Софи было неуютно сидеть напротив Чонина и девушки, которую, как выяснилось, звали Лису, но эта неловкость не была замечена за дружелюбным разговором. Эти двое действительно были словно родственники для дяди и тети. Они обсуждали планы на лето, вспоминали прошлый год, и Софи захотелось провалиться под землю, когда внимание было обращено к ней. Время пить лекарства. Вскользь упомянутая авария годичной давности и ее последствия. Все такой же строгий взгляд Лису и будто извиняющийся за что-то — Чонина. А после ужина легкое прикосновение к руке и пожелание спокойной ночи от парня, которого совершенно точно любит солнце.

Софи, пожалуй, впервые за прошедший год ждала завтрашнего дня и ей хотелось жить.

Глава 2

Ночь оказалась беспокойной. Впрочем, как и все предыдущие. Снова непонятные, пугающие сны, скрежет, крики. Софи должна была бы уже привыкнуть к такому, но не могла. Она несколько раз просыпалась ночью от слишком реального чувства отсутствия пальцев, привкуса крови и боли, однако уже не кричала во сне. Наверное, это врачи и называли прогрессом... Воспоминания об аварии немного поблекли, но, тем не менее, продолжали мучить уставшую девушку. Боль в конечностях, преследующая продолжительное время выматывала, и лекарства, которые не помогали, все чаще высыпались в урну. Софи отчаянно хотела сдаться...

...до дня, когда она познакомилась с Чонином.

А ведь он действительно ждал ее у крыльца, как и обещал. Девушка проснулась от стука по стеклу и обнаружила с той стороны окна маленькую птичку, внимательно наблюдающую за ней. Стоило подойти к раме и рывком открыть ее, как птаха взмыла в небо, заливаясь трелью, а на лужайке около дома обнаружился Чонин, смотрящий ей вслед. Со второго этажа, на котором находилась комната Софи, весь задний двор казался сказочным, окутанным утренней дымкой тумана, и она сначала приняла фигуру молодого человека за мираж, но он никуда не делся, даже когда девушка потерла глаза. Чонин выжидающе смотрел на нее, спрятав руки в карманы джинсов, и просто ждал. Ветер перебирал и перекладывал прядки его волос, роняя челку на глаза, потом убирая ее, словно баловался и проверял терпение парня, но он никак не реагировал.

Софи, сама не своя от спешки, быстро оделась, на ходу собирая всклокоченные волосы в хвост и уже на выходе из дома, схватив легкую кофту, была остановлена тетей.

— Софи? — женщина искренне удивилась, заметив не спящую племянницу в такую рань, — куда ты?

— Прогуляюсь с Чонином. Я скоро.

— Доброе утро, — парень первым поприветствовал, когда она, избежав дальнейших расспросов родственницы, выскочила в прохладу утра и встала, не решаясь что-либо говорить, перед ним. — Плохо спала?

— Доброе, — Софи улыбнулась, проведя пальцами под глазами. — Ничего, я уже привыкла. Пойдем?

— Пойдем.

Девушка готова была расплакаться от красоты, которая предстала перед ней спустя сорок минут ходьбы. Чонин вел ее непротопанными тропами, петляя между деревьев и иногда останавливаясь, замечая, что спутница не поспевает за ним. Все вокруг казалось не таким, как вчера, будто кто-то специально пришел и сделал за ночь окрас травы, листьев, стволов деревьев более насыщенным, сочным. В воздухе пахло сыростью, словно дождь на несколько минут смочил пересохшую землю и прекратился, а Чонин остался прежним. В его взгляде до сих пор

была непонятная для Софи грусть, когда он смотрел на нее, и все та же добрая улыбка, которая согревала почти так же, как солнце.

Они стояли на небольшом холме, окруженном деревьями, и где-то впереди слышалось журчание воды, а значит, все это время Чонин шел вдоль реки. Но Софи перестала думать о пути до небольшого луга на этом холме, когда первые яркие лучи восходящего солнца распорили белесые облака, шалью закрывавшие уже посветлевшее небо. Цвета сменяли один другой, начиная с темно-малинового и заканчивая ярким росчерком желтого. Солнечный диск величаво выглянул из-за горизонта, подрумянив верхушки деревьев, а после, медленно поднимаясь все выше, залил и лужайку светом. Тонкие паутинки с нанизанными на них каплями росы сверкали подобно красивейшим бриллиантовым колье, и Софи не могла оторваться от рассматривания всех этих деталей пробуждения природы, восхищаясь их красотой.

Девушка не знала, сколько простояла, не двигаясь с места, стараясь уловить любое изменение вокруг себя, но отвлеклась, когда Чонин громко свистнул, а после жаворонок неожиданно взмыл ввысь практически у нее из-под ног, звонко перепевая неугомонных цикад.

— Невероятно, — прошептала Софи.

— Что именно? — уточнил Чонин, усаживаясь на влажную траву, совершенно не заботясь о своей одежде.

— Рассвет. Ты был прав, он зачаровывает. Я никогда не видела ничего подобного...

— Я видел их слишком много, чтобы испытывать что-то хоть отдаленно напоминающее твои эмоции, — парень улыбнулся и потянул Софи за руку, постелив рядом с собой свою джинсовую куртку, приглашая ее присесть. — Ты знала, что солнце каждый день умирает, а утром воскресает заново? — девушка отрицательно мотнула головой, наблюдая, как Чонин сплетает их пальцы. — Оно гаснет за горизонтом, пока луна медленно вспарывает его грудь... Небо окрашивается в алый оттенок именно из-за этого, но солнце обязательно возвращается, разгораясь огнем жизни заново, а все из-за любви.

— Из-за любви?

— Да. В мире слишком много несчастных влюбленных, и они, — Чонин кивнул в небо, где птичка темной точкой рассекала его, — самый яркий пример этого. Не могут быть вместе, но живут, встречаясь на несколько минут перед закатом. Любовь — это жизнь. Жизнь ради любви. В этом истина, Софи.

Девушка замолчала и, подобно своему собеседнику устремила взор вперед, слушая залиvistую трель жаворонка. Он снова взмывал ввысь, потом опускался ниже, словно камень, брошенный вверх, но неумолимо продолжал петь свою песню.

— О чем же он так упорно щебечет? — полушепотом спросила Софи, упершись подбородком в свои колени.

— Восхваляет солнце и Цереру.

— Что?

— Ты, наверное, так же не знаешь, что жаворонок — символ юношеского пыла? Он — атрибут Цереры. Есть легенда, — парень вытянул ноги вперед, делая упор на руки сзади, — что она собирает чистые души молодых людей, жизнь которых прервалась слишком рано, и превращает их в этих птиц, держит всегда подле себя и защищает.

— Я не знала, — Софи удивленно смотрела на парня, — а откуда ты все узнал?

— Праздное любопытство, не более. Почитал книги, покопался в интернете, — Чонин поднялся, отряхиваясь, и протянул руку девушке, — пойдем, что-то мне подсказывает, что сегодня будет много хлопот в пансионе.

С каждым днем количество отдыхающих увеличивалось и работы, действительно, стало гораздо больше, но Софи не замечала, как проходили часы, занятые хозяйственными делами, потому что ждала вечера с утра, а утром — вечера. Они с Чонином продолжали встречать закаты на крыше того маленького фольксвагена жука, а рассветы на уже хорошо знакомом лугу, только теперь девушка брала с собой покрывало, чтобы сидеть вдвоем, сцепив ладони и переплетя пальцы, и наблюдать, как угасает прошедший день и зарождается новый. Она до сих пор не решалась спросить, кем приходится Чонину Лису, ведь эта молчаливая девушка каждый день встречала их вечером на ступеньках дома, а утром провожала взглядом, ничего не говоря. Софи даже тогда, когда они по стечению обстоятельств оставались только вдвоем или сталкивались где-то в коридоре.

Чонин стал для Софи вторым дыханием. Он помогал ей отвлечься от своих проблем, рассказывал старые легенды, и своим смехом, будто смазывал заржавевшие шестерни в маленьком девичьем сердечке, которое начинало биться чаще от одного только взгляда, мимолетно скользнувшего по ее макушке или же лицу. Он держал Софи за руку, и ей казалось, что за спиной вырастают крылья. Они сидели на крыльце и смотрели в ночное небо, и Софи мечтала навсегда остаться здесь, только чтобы Чонин был рядом и смотрел на нее так же, словно в его взгляде, в котором девушка готова была утонуть, прыгнув в омут без оглядки, растоплена чистейшая нежность и забота. Но, к сожалению, она прекрасно знала, что так не будет, потому что осень неумолимо приближалась, и знойное лето, перенявшее эстафету у самой счастливой весны, подходило к концу, проливаясь на землю учащающимися дождями. Чонину нужно было скоро уезжать...

— Тетя, — Софи схватила из корзинки с фруктами яблоко и надкусила, поморщившись: оно оказалось кислым, — а откуда взялась та машина возле реки?

Женщина перестала нарезать овощи для рагу и задумалась. Она помолчала некоторое время, пока тишину кухни нарушал вновь разразившийся ливень, но Софи послушно ожидала ответа. Ее уже давно мучил этот вопрос, пожалуй, единственный, на который Чонин не мог ответить, но девушка забывала спросить у тети, теряясь в своей новой жизни, наполняя память новыми воспоминаниями, которые хотела сохранить как можно дольше. Дядя взял Чонина с

собой в центр сегодня, поэтому Софи не знала, куда себя деть от безделья: она успела прибраться на первом этаже, поделаться задания, присланные сокурсниками, помочь прибывшим постояльцам и теперь сидела на кухне, бесцельно водя пальцем по столу.

— Ты знаешь, — тетья Джимин повернулась к племяннице, — я никогда и не задавалась этим вопросом. Когда мы купили пансион, жук уже там стоял. — Она посмотрела в окно и качнула головой. — Хан с Чонином задерживаются. Еще и дождь такой сильный, надеюсь, дороги не сильно размыло...

— Так ты ничего не знаешь?

— Ну, слышала, что она принадлежала какому-то местному пареньку...

— ...который утонул в реке.

Софи вздрогнула от неожиданности, когда в их разговор вклинился незнакомый голос. Лису в дождевике, с которого капала вода, стояла на пороге комнаты и держала в руках плетеную корзину со свежей зеленью.

— Утонул? Я думала, что в этой речке течение слабое... — девушка вспомнила, как Чонин по колено заходил в воду, брызгаясь и подначивая ее присоединиться. Софи попробовала однажды, но чуть не окоченела от холода, ступив по щиколотку в речку.

— Слабое, — тетья забрала корзинку у Лису, — вот только вода в ней ледяная, как и в любой горной реке.

— И никто не помог ему?

— На тот момент времени он не хотел, чтобы ему помогли, — Софи все еще было непривычно слышать голос девушки, снявшей верхнюю одежду и устроившейся напротив нее. Он был бархатистый, чарующий, не похожий на голоса других девушек примерно ее возраста, которых знала сама Софи. — А когда захотел, то уже поздно было...

— Но почему? Зачем он это сделал?

— Зачем? — Лису хмыкнула. — Любовь, что уж тут. — Она хотела еще что-то сказать, но помолчала, добавив потом шепотом: — Дела давно минувших дней, но мне до сих пор не хочется, чтобы это повторялось с ним.

«С ним...»

Софи не могла отделаться от ощущения, что последнее относилось именно к Чонину. Остаток дня в голове крутились мысли странного содержания, и девушка никак не могла избавиться от них. Даже улыбка вернувшегося к ужину парня не помогла.

После трапезы все разбрелись кто куда, а Софи схватила телефон и дождевик и выбежала на улицу, устремившись к берегу реки, на котором стоял возле старого клена автомобиль, уже

ставший родным. Она быстро, к своему удивлению, открыла дверцу и проворно юркнула в салон, прячась от сумерек и непогоды. Ком, мешающий говорить, все еще стоял в горле, и девушка не знала, как избавиться от этого скребущего, неприятного чувства. Она сидела уже в темноте, смотря в одну точку, подтянув колени к груди, и думала, думала, думала... Было совершенно неправильным, что хозяин этой машины так поступил, ведь Чонин сказал, что любовь — это жизнь, жизнь ради любви, так почему же для него все обернулось подобным образом?

— Можно? — Софи не пошевелилась, когда на водительское кресло кто-то опустился. — Тетя с дядей начали беспокоиться, а Лису сказала, что ты могла пойти сюда. — Чонин стряхнул воду с волос, зачесав челку назад. — Софи, что случилось? Ты сама не своя сегодня. Что тебя расстроило?

— Лису рассказала мне про хозяина этой машины. Знаешь, — она подняла голову и повернулась лицом к парню, — я не понимаю, почему такая несправедливость? Зачем он сделал это? Неужели он не хотел жить настолько, что утопился?

— Хотел.

— Что?

— Хотел жить, только поздно было, — Чонин положил телефон Софи на парприз, осветив салон его экраном. — Это произошло случайно. Просто судороги от холода свели мышцы, и течение отнесло дальше от берега, а потом и вовсе на несколько километров вниз...

— Вы с ней говорите так, будто лично присутствовали при всем этом...

— Лису тебе рассказала все? — парень покопался в кармане ветровки и достал небольшой ключик.

— Можно вопрос?

— Давай, — Чонин, смотря в глаза девушке, наклонился и открыл бардачок, не разрывая зрительного контакта.

— Кем тебе приходится она? — Софи случайно выделила последнее слово, когда парень вложил в ее руку потрепанный временем фотоснимок. Он включил фонарик и осветил на фото так, чтобы Софи смогла разглядеть изображенных на нем людей.

— Она? Лису хозяйка целой стайки жаворонков, понимаешь? А я хотел лишь остудить пыл.

И Софи поняла, когда, присмотревшись, узнала в молодом человеке на снимке Чонина. Он стоял, облокотившись на крышу новенького фольксвагена жука, и ярко улыбался, спрятав руку в карман отутюженных брюк. А солнце все-таки любило его... Оно так же, как и при первой их встрече, аккуратно путалось в его волосах, будто разглаживало непослушные прядки, вот только дата на фото подтверждала его давность, от чего руки девушки задрожали.

Прошло еще около полутора часов тишины, разрываемой барабанившим дождем по крыше поржавевшего автомобиля, когда Софи успокоилась, водя по фотографии пальцем. Чонин сидел рядом, такой же реальный, как и несколько месяцев назад. Он отстраненно смотрел вперед, изредка косясь на девушку, но не произносил ни слова, пока она сама не заговорила.

— Знаешь, я думала, что мы встречались в больнице. Твое лицо казалось мне знакомым. После аварии мама называла меня чудом, потому что я выжила, а еще почти восстановилась. В то время меня пугали шрамы на пальцах, и кто-то мне сказал, что самые страшные шрамы те, которые невидны. Мне кажется, — девушка повернулась к Чонину лицом, вытирая щеки, и медленно приблизила свою ладонь к нему, положив ее ему на грудь, — что это про тебя. Слишком яркая улыбка, слишком теплые объятия, слишком добрый и такой грустный взгляд... А внутри дыра. Даже шрама нет. Просто дыра.

— Когда я просил Лису не забирать тебя с нами, я и подумать не мог, что мы встретимся еще раз. — Парень накрыл ладонь Софи своей, а вторую прижал к ее щеке, поглаживая большим пальцем бархатистую кожу. — Она злится теперь.

— Ревнует?

— Нет, глупышка, — Чонин улыбнулся, вглядываясь в глаза девушки, подсвеченные светом фонарика, отчего зрачки казались невероятно большими, — теперь она не согласится забрать тебя. Даже если я попрошу. Но я не настолько эгоист, чтобы лишать тебя жизни и просить уйти со мной... И там уже давно не дыра, — он постучал двумя пальцами поверх руки Софи, — там небольшой рубец, заботливо вылеченный тобой.

Софи отчаянно не желала, чтобы эта ночь заканчивалась. Раскат грома и молния, рассекающая ночное небо. Двое в старом автомобиле. Требовательные поцелуи и голодные прикосновения, словно в последний раз. И одно желание на двоих — быть любимыми. А утром — звонкая песня жаворонка вместо будильника и Чонин, стоящий на берегу реки, заботливо укутанный в нежные лучи утреннего солнца.

«Я хочу уйти с тобой», — короткая мысль, засевшая глубоко в сознании и пустившая корни в сердце.

Чонин лежал рядом с Софи, приминая засохшую траву вокруг рукой и доставая из ее волос опавшие листья. Его синее пальто напоминало ей небо весной, ею же пахли его волосы, а ее плиссированная желтая юбка казалась ему сшитой из лучей солнца. Сквозь ветки их любимого старого клена, беспокойно гоняемые легким ветром, виднелось свинцовое небо, почти полностью затянутое тучами, но небольшой кусочек небосвода был еще не тронут и чист от клейма осени, и на нем неярким пятном светило солнце.

— Последняя песня жаворонка, — парень расслабленно опустил голову на траву и взял улыбающуюся Софи за руку, блаженно прикрыв веки, — осень вступает в свои права. Нам пора.

Любовь — это ты, ты и я. Любовь — это знание, что МЫ есть. Любовь — это понимание, что ты не хочешь услышать ее последнюю песню. Никогда.

[Страница книги Последняя песня Жаворонка в интернете](#)